

Бай Сы никогда не был в серьезных отношениях. Он знал, что развлечения — это просто развлечения, и после них не стоит задерживать воспоминания. Он никогда не оставлял кого-либо рядом с собой на несколько месяцев.

Но у него был характер избалованного молодого господина, и пока он не наигрался, объект его внимания оставался его собственностью. Однако на этот раз его «собственность» не только сбежала первой, но и сделала это, обманув его.

Каждый раз, когда Бай Сы думал об этом, его охватывала ярость, и он едва сдерживал желание вгрызться в тело Сун Цинчжи, вырвать кусок мяса, чтобы утолить свою ненависть.

Сун Цинчжи, думая о Бинго, не хотел лишний раз связываться с Бай Сы. Его щеки слегка покраснели, но выражение лица оставалось холодным. Он сказал:

— Бай Сы, это ты сказал, что больше не будешь связываться. Как ты можешь нарушать свое слово и винить меня?

— К чёрту! Когда я это говорил?

Бай Сы не признавал, что говорил такое. И разве дело было в этом? Дело было в том, что Сун Цинчжи, этот лицемер, оказался подлецом, изменил в браке и играл с его чувствами. Какое там «не связываться»? Эти мелочи раньше не считались проблемой. Все это было уловкой Сун Цинчжи, чтобы заставить его расстаться.

Бай Сы все больше убеждался в своей правоте.

— Ты женился, у тебя есть сын! Что, омега тебя не удовлетворяет? Или сын не твой?

Бай Сы был в ярости:

— Хочешь, я позову твою жену и покажу, как это делается? Я переспал с сотнями таких омег!

— Бай Сы!

Взгляд Сун Цинчжи стал еще холоднее, он не хотел больше смотреть на него.

Он отвернулся, пытаясь освободить руку. Этот жест избегания и попытка уйти заставили глаза Бай Сы покраснеть, и его гнев вспыхнул с новой силой. Альфа-феромоны ударили в голову.

Сун Цинчжи непроизвольно задержал дыхание, но его движения стали заметно замедленными и вялыми.

В плане восприятия феромонов он, конечно, не отличался от других бета, но из-за их отношений с Бай Сы, которые не ограничивались просто «переспали», альфа-феромоны Бай Сы всегда оказывали на него более сильное влияние.

Бай Сы в ярости даже не пытался контролировать выброс феромонов. Сила Сун Цинчжи будто ушла в песок. Он понимал, что ситуация ухудшается, но не мог сопротивляться, позволяя Бай Сы расстегнуть его ремень.

— Бай Сы...

Комната отдыха для омег была оборудована изоляцией от феромонов, но это все равно было общественное место. За стеной находились тысячи посетителей, и Сун Цинчжи чувствовал

неловкость, будто из тени на него смотрели бесчисленные взгляды.

Он с трудом поднял руку, положил ее на руку Бай Сы и попытался оттолкнуть его, чтобы остановить его действия.

Рукава Бай Сы закатались, обнажив мышцы с четкими линиями. Он достал откуда-то галстук, одной рукой удерживая тело Сун Цинчжи, а другой протянул его под живот Сун Цинчжи и обмотал вокруг.

— Бай Сы...

Сун Цинчжи толкнул Бай Сы за плечо, но тот, держа завязанный галстук, злорадно сказал:

— Ты спал со своим омегой за эти дни?

Сун Цинчжи не ответил. Его душа будто зависла в воздухе, готовая в любой момент быть обнаженной перед всеми. Единственная надежда на спасение — это рука Бай Сы, держащая его. Если бы только эта рука могла отпустить галстук.

Но эта рука принадлежала Бай Сы, а в данный момент — демону. Демон завязал свободный конец галстука вокруг его бедра.

Демон прошептал ему на ухо:

— Не снимай это до нашей следующей встречи.

— ...Бай Сы!

Сун Цинчжи резко вздохнул, одной рукой толкая Бай Сы, а другой пытаясь сдернуть галстук.

Он не знал, до чего могут пойти Бай Сы и его компания в своих играх, только слышал обрывки разговоров. Сейчас это действие, больше похожее на наказание, вызвало у него чувство глубокого стыда. Его лицо горело, и он готов был провалиться сквозь землю.

Бай Сы не проявлял ни капли жалости. Он схватил руку Сун Цинчжи, которая все еще толкала его, и сказал еще более зло:

— Если ты посмеешь снять это, я трону твоего сына.

Сун Цинчжи посмотрел на Бай Сы. Его щеки пылали, а в глазах читалось отчаяние. Бай Сы сразу же нашел его слабое место.

Такое выражение вызвало в Бай Сы странное чувство, но тот факт, что Сун Цинчжи, который секунду назад яростно сопротивлялся, теперь сдался, стал для него очередной победой, и он почувствовал себя триумфатором.

У Сун Цинчжи почти не было мяса на теле, его бедра были белыми и стройными. Бай Сы завязал галстук у основания бедра, оставив треугольный конец, который без стеснения засунул в более интимное место.

Он приблизился к этому бета, чья кожа покраснела от гнева или стыда, а тело слегка дрожало. Бай Сы больше не прикасался к нему, но их альфа-феромоны и дыхание смешивались, создавая в тесном пространстве атмосферу бесконечной двусмысленности.

Сун Цинчжи изо всех сил сдерживал свои эмоции — гнев, стыд, но его покрасневшее лицо становилось все более сияющим, а губы — яркими, что заставляло Бай Сы, этого амбициозного альфу, непроизвольно желать продолжать покорять его, пока каждый вдох этого бета не будет под его контролем.

Бай Сы наслаждался беспомощностью Сун Цинчжи.

Даже если Сун Цинчжи не смотрел на него, отвернувшись и уткнувшись лицом в стену, его пиджак сполз с плеч, рубашка была в беспорядке, шея и плечи розово-белые, а тонкая талия поднималась и опускалась вместе с дыханием. Его эмоции были в смятении, и он выглядел совсем не так, как обычно.

Бай Сы усмехнулся.

Он не насмотрелся, но снаружи раздался стук в дверь.

Сун Цинчжи не произнес ни слова, даже не пошевелился.

Этот человек был слишком хорош в притворстве. Бай Сы неспешно помог ему одеться: сначала поправил рубашку, затем надел свитер, застегнул куртку и, наконец, щелкнул по галстуку, не прикасаясь к нему лишний раз, заправил его в трусы и плотно затянул брюки.

Он застегнул ремень Сун Цинчжи и, наклонившись к его уху, негромко сказал:

— Учитель Сун, я выполняю свои обещания.

Это был второй день в парке аттракционов и последний день, который Чжоу Синь проводил здесь. Он уезжал в пять часов вечера и даже не мог поужинать с Сун Цинчжи и его сыном.

Не то чтобы он спешил, но Се Вэйдун звонил ему каждые полчаса.

Чжоу Синь боялся, что если так продолжится, Се Вэйдун не выдержит и приедет сам. Это было бы слишком неловко, если бы они устроили сцену на публике, а тем более, если бы это привело к скандалу и потере работы.

Чжоу Синь ждал автобуса у входа в парк. Автобус был украшен мультяшными персонажами, но у каждого был свой уникальный дизайн. Чжоу Синь бросился к своему любимому.

Бинго, сидя на руках у Сун Цинчжи, махал ему рукой и громко кричал:

— Мама, обязательно купи шоколадные конфеты!

Автобус с мультяшными головами уехал, и Бинго долго смотрел ему вслед, пока тот не исчез из виду. Затем он повернулся и, указывая на табличку неподалеку, сказал:

— Папа, там автобус.

— Бинго, сегодня мы поедem на такси.

Сун Цинчжи, направляясь в другую сторону, ответил. Зимний вечер наступал рано, и посетители парка толпились у входа и выхода. Сун Цинчжи шел осторожно, стараясь никого не задеть. На его носу выступили капли пота, и он молча вытер их.

— Папа.

Бинго обнял Сун Цинчжи за шею и внимательно смотрел на его лицо.

После того как Сун Цинчжи вышел из туалета, он был рассеян. Это заметил не только Чжоу Синь, но и Бинго.

Чжоу Синь подумал, что Се Вэйдун вряд ли мог так повлиять на Сун Цинчжи, и спросил, не случилось ли чего в лаборатории. Сун Цинчжи кивнул, воспользовавшись возможностью. С таким объяснением Чжоу Синь уехал без особых сожалений. У них с Сун Цинчжи были разные жизненные цели, но они поддерживали друг друга.

Бинго не понимал этих разговоров, но чувствовал, что папа расстроен.

Еще он чувствовал что-то неприятное, какой-то чужой и противный запах на отце. Бинго нахмурился и потянулся, чтобы вытереть пот со лба Сун Цинчжи.

Наконец они сели в такси, и Сун Цинчжи с облегчением вздохнул, устало облокотившись на спинку сиденья.

— Папа.

Бинго заерзал у него на руках. Сун Цинчжи старался не двигать нижней частью тела, осторожно обнял ребенка и спокойно сказал:

— Бинго, папа устал.

<http://bllate.org/book/16877/1555595>